Andreev, Leonid Nikolaevich
Proischestvie

PG
3452
P8
1913

NID ANDREJEW
Ein Ereignis
Der Papagai
Zwei Einakter

Preis 1 Mark
Цѣна 1 марка

Андреевъ

ПРОИСШЕСТВІЕ / ПОПУГАЙ

Двѣ пьесы

BERLIN
ADYSCHNIKOW
ERLAG G. M. B. H.

Давидъ Айзманъ, Терновый кустъ. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано) 1
Леонидъ Андреевъ, Анатэма. Трагическое представленіе въ семи картинахъ 2
——Анфиса. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ 1
——Губернаторъ. Повѣсть 1
——Дни нашей жизни. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . 1
——Екатерина Ивановна. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ 1
——Елеазаръ. Разсказъ . . . . . —
——Іуда Искаріотъ и другіе. Очеркъ 1
——Къ звѣздамъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . . 1
——Любовь къ ближнему. Шуточное представленіе . . . . . —
——Прекрасныя сабинянки. Историческое происшествіе въ трехъ частяхъ 1
——Профессоръ Сторицынъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ 1
——Савва (Ignis sanat). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Въ Россіи запрещено къ постановкѣ) 2
——Сынъ человѣческій. Разсказъ 1
——Такъ было. Очеркъ изъ французск. революціи . . —
——Христіане. Разсказъ . . . . . —
——Царь-Голодъ. Представленіе въ 5 картинахъ . . 1
——Черныя маски. Представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ 1
Шаломъ Ашъ, Мэри. Романъ 4
Максимъ Горькій, Букоемовъ. Очерки. Содержаніе: Букоемовъ, Карпъ Иванович. — Дѣвочка . . . . —
——Варвары. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ 2
——Васса Желѣзнова. Сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ . 1
——Враги. Сцены изъ жизни русскихъ рабочихъ. (Въ Россіи запрещено къ постановкѣ) 2
——Въ Америкѣ. Очерки. Содержаніе: Городъ Желтаго Дьявола. — Царство скуки. — „Mob". — Чарли Мэнъ 1
——Городокъ Окуровъ. Хроника 2
——Дачники. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ 2
——9-е Января. Очеркъ. (Въ Россіи конфисковано) . —
——Дѣти. Комедія 1
——Дѣти солнца. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ 2
——Жалобы. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть . . . —
——Жизнь ненужнаго человѣка. Романъ. (Въ Россіи конфисковано) 4

Leonid Andrejew

Ein Ereignis

Der Papagei

Zwei Einakter

Andreev, Leonig Nikolaevich

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

Proisshestvie

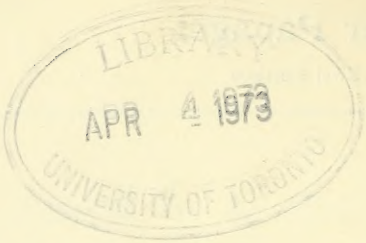
ПРОИСШЕСТВІЕ / ПОПУГАИ

Двѣ пьесы

BERLIN

J. Ladyschnikow Verlag

G. m. b. H.



Авторское право закрѣплено на основаніи Русско-Германской, равно и Бернской литературной конвенціи.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.
Den Bühnen gegenüber Manuskript.

PG
3452
P8
1913

Druck
der Spamerschen
Buchdruckerei in Leipzig

Происшествіе

Дѣйствующихъ лицъ двое: купецъ Краснобрюховъ, кающійся, и лицо со служебнымъ положеніемъ. Есть еще нѣкто Гавриленко, который привелъ кающагося, и другіе живые механизмы, которые его выводятъ.

Канцелярія: нѣчто вродѣ фабрики на ходу. Лицо со служебнымъ положеніемъ отрывисто лаетъ, удивляется и гнѣвается по телефону. Гавриленко, почтительно держа всего двумя пальцами, вводитъ купца Краснобрюхова, толстаго, здороваго, рыжебородаго старика, вспотѣвшаго отъ волненія. Шапки на немъ нѣтъ, одежда въ нѣкоторомъ подозрительномъ безпорядкѣ, несмотря на явную почтительность Гавриленки.

Лицо у телефона. Кто? Кого? Почему? Да конечно слышу, если говорю . . . зарѣзанный? Ага! Да, да, двое . . . Да слышу же я. Что такое? На какой почвѣ? Ну? Ничего не понимаю. Кто убѣжалъ, раненый убѣжалъ? Что вы городите: куда раненый побѣжалъ?

Гавриленко. Ваше благородіе, какъ я привелъ . . .

Лицо. Не мѣшать. Ага: одинъ убѣжалъ, другого везутъ . . . А убійцы? — что, тоже убѣжали — послушайте, вы мнѣ вашей почвой очковъ не втирайте, что такое? Ничего не понимаю. Если вы хотите докладывать, вы слышите, то и докладывайте, а не свистите носомъ, я вамъ не кларнетъ! — Что — какая музыка? Это я кларнетъ — вы слышите? Алло! А, чтобъ тебя чортъ. Алло! Вѣшаетъ трубку, мелькомъ сердито оглядываетъ Краснобрюхова и садится.

Лицо. Ну? Чего тамъ?

Гавриленко. Какъ ваше благородіе, позвольте доложить, они задерживали движеніе екипажей, стамши посередки площади, гдѣ ѣзда, говоримши, что какъ они купецъ и какъ они убимши, я ихъ взямши . . .

Лицо. Пьяный? Ишь, борода, напился — въ пріемный!

Гавриленко. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, окончательно тверезый, а только какъ они стамши посередки площади, гдѣ ѣзда и говоримши, такъ что, ваше благородіе, никакого движенія екипажей. И трамвай стамши . . . народъ собрамши, кричатъ голосомъ: убилъ я, православные, каюсь! Какъ я ихъ взямши, такъ что: совѣсть замучила, ваше благородіе!

Лицо. Такъ бы сразу и говорилъ, тетеря! Вы что? Пусти его, Гавриленко, чего вцѣпился . . . Вы кто?

Краснобрюховъ. Купецъ Прокофій Карповичъ Краснобрюховъ. Становится на колѣни; другимъ, покаяннымъ голосомъ. Каюсь, православные, берите меня, вяжите меня: человѣка я убилъ!

Лицо вставая. А! Такъ вотъ ты какъ!

Краснобрюховъ. Каюсь, православные, желаю принять искупленіе грѣховъ. Не могу больше! Берите меня, вяжите меня — человѣка я убилъ! Злодѣй я непокаянный, извергъ естества! Человѣчка я зарѣзалъ! Кланяется въ землю.

Гавриленко. Вотъ такъ они и орамши, ваше благородіе, по самой посередки, гдѣ ѣзда.

Лицо. Молчать! Встать! Разсказывать толкомъ. Кого убилъ?

Краснобрюховъ тяжело вставая, бьетъ себя въ грудь. Я убилъ. Желаю искупленія грѣховъ, больше не могу, нѣтъ моего терпѣнія, совѣсть замучила, православные! На — брей!

Лицо. Что брей?

Краснобрюховъ. Голову брей, кандалы давай: желаю искупиться. Громко плача. Человѣчка я зарѣзалъ, простите, православные! Опять валится на колѣни и кланяется земно.

Лицо. Встать! Говорить толкомъ!

Гавриленко. Вотъ такъ они, ваше благородіе, стамши по самой середкѣ и орамши.

Лицо. Молчать! Эй, послушайте, какъ васъ: это не ваша корзина?

Краснобрюховъ вставъ и вытирая потъ и слезы. Какая корзина? Никакой корзины я не знаю. Овощью мы торговали. Эхъ, Господи! Что ужъ: овощью мы торговали.

Лицо. Какая корзина? Теперь не знаешь? А какъ запрятывать въ корзину, знаешь? А какъ по желѣзной дорогѣ трупы отправлять, знаешь?

Краснобрюховъ. Никакой корзины я не знаю. Водички бы мнѣ. Гавриленкѣ. Дай ка, милый, водички, охрипъ я. Густо вздыхаетъ. Эхъ!

Лицо. Не давать! А какая корзина, не знаешь? Гавриленко, сколько у насъ корзинъ?

Гавриленко. Четыре корзины, ваше благородіе, да одинъ чемуданчикъ. Три корзины распечатамши, ваше благородіе, а четвертую никакъ не успѣмши.

Лицо купцу. Слыхалъ?

Купецъ вздыхая. Никакой корзины я не знаю.

Лицо. А гдѣ же твой?

Купецъ. Кто мой?

Лицо. А я почемъ знаю кто твой, кого ты тамъ зарѣзалъ, удушилъ, убилъ. Трупъ гдѣ?

Купецъ. Трупъ то? Да ужъ истлѣлъ поди. Снова валится на колѣни. Православные, каюсь я, человѣчка я зарѣзалъ, Господи! Въ землю его закопалъ. Думалъ я, православные, народъ обмануть, а видно не обманешь его: совѣсть меня замучила. Ни сна, ни покою, одно мученье мученьское, свѣту я въ глазахъ лишился. Желаю искупиться, на — брей!

Лицо. Встать! Говорить толкомъ!

Купецъ вставая и вытирая потъ. Я толкомъ и говорю: ну, думаю, пройдетъ времячко, авось и забуду, радостями какими развлекусь, на поминъ души свѣчечку поставлю,

анъ не тутъ то было: замучился сверхъестественно, всякаго покою лишился! И что ни годъ, то все тяжеле: нѣтъ, думаю, потерплю еще, авось пройдетъ, авось забудется. Каюсь, православные! Имущества я жалѣлъ, овощью мы торгуемъ, дѣтей, жены стыдился: какъ же это вдругъ, что же это такое: былъ человѣкъ, а вдругъ злодѣй, смертоубивецъ, извергъ естества!

Лицо. Толкомъ говорите!

Купецъ. Я толкомъ и говорю: плачу ночью то, разливаюсь, а жена и говоритъ: чѣмъ плакать то, да подушки мочить, пошолъ бы ты, Карпычъ, да и покаялся, народу православному земно преклонился, мученіе принялъ. И что тебѣ, говоритъ, ты ужъ старый и на каторгѣ проживешь, а мы за тебя помолимся, иди, говоритъ, Карпычъ, не моргай. Плакали мы съ ней, плакали, а все рѣшиться не можемъ: жалко, страшно, православные! Какъ это посмотришь округъ себя, овощью мы торгуемъ, морковкой всякою, капусткой, лучкомъ... Плачетъ. А она все рѣшаетъ: иди, Карпычъ, не моргай, попей чайку, побалуйся, да и иди, несчастненькій, преклонись. Разъ ужъ и пошолъ было, рубашку она на меня чистую надѣла, чаемъ съ медкомъ попоила, волосы мнѣ сама рукой пречистой своей причесала — да не осилилъ! Ослабъ! Духъ потерялъ! До самой этой площади ужъ дошолъ и какъ разъ на середку вышелъ, а тутъ трамвай — я въ трактиръ и повернулъ. Каюсь, миленькіе: за мѣсто честнаго покаянія, три дня и три нощи стойку трактирную лощилъ, полъ буфета вылакалъ: что значитъ совѣсть то, и куда только лилось!

Лицо. Да: что, братъ, вотъ она, совѣсть! Но пріятно, пріятно наконецъ привѣтствовать . . . Гавриленко, слышишь?

Гавриленко. Вотъ такъ они и орамши, ваше благородіе.

Лицо. Молчать! Ну. Продолжай, мой другъ.

Купецъ. Какой я другъ, недругъ я человѣческій, извергъ естества. Бери меня, вяжи меня, человѣчка я зарѣзалъ, къ злодѣямъ сопричислился. Вотъ онъ я, бери! Вяжи! Брей!

Лицо. Такъ, такъ, пріятно привѣтствовать! . . Гавриленко, не помнишь такого случая относительно убійства? Какіе у насъ есть?

Гавриленко. Не могу помнить, ваше благородіе!

Купецъ. Вяжи!

Лицо. Такъ, такъ, я понимаю твое благородное нетерпѣніе, но . . . А когда это было, человѣчка то? Конечно мы все знаемъ, но столько случаевъ вообще . . . Видалъ, корзинъ однѣхъ сколько, точно багажная станція! — и вообще . . . Кого ты и когда, однимъ словомъ, мой другъ?

Купецъ. Когда? Да ужъ двадцать одинъ годъ минулъ, да еще съ привѣскомъ поди. А то и двадцать два считай, не ошибешься.

Лицо. Двадцать два? Такъ что же ты?

Купецъ. Думалъ оттерпѣться, говорю. А какое тутъ терпѣніе: что ни годъ, то тяжеле, что ни день, то горше. То хоть явленій не было, а то и явленія начались: вчистую приперло. Каюсь, православные, убилъ!

Лицо. Но, но позвольте . . . двадцать два . . . Вы какой гильдіи?

Купецъ. Первой. Оптомъ мы торгуемъ.

Лицо. Такъ, такъ. Гавриленко, подать стулъ! Прошу садиться.

Купецъ. Водички бы мнѣ, охрипъ я.

Лицо. А чаю то съ медкомъ опять попили, чудакъ!

Купецъ. Попилъ, какже, попилъ.

Лицо. Гавриленко, два стакана чаю, одинъ покрѣпче . . . небось жиденькій пьете? Имя отчество?

Купецъ. Прокофій Карповичъ Краснобрюховъ. Когда же, ваше благородіе, вязать?

Лицо. Садитесь. Такъ то, Прокофій Карпычъ, — это не ваша торговля на углу? . . знаете, такая еще вывѣска, удивительная вывѣска! Искусство! И до чего теперь эти вывѣски хорошо пишутъ, знаете, я прямо удивляюсь. Мнѣ знакомые говорятъ: отчего вы, Павелъ Петровичъ, не пройдетесь въ картинныя галлереи, тамъ Эрмитажъ и вообще . . . но я отвѣчаю — зачѣмъ? У меня весь кварталъ — одна картинная галлерея, хе-хе! Ну, а медку у насъ не водится, хе, ужъ извините. Канцелярія!

Купецъ. Какой ужъ тутъ медъ! Дѣтямъ я торговлю передалъ, пусть торгуютъ. Когда же, ваше благородіе, вязать то будете? Поскорѣй бы, замаялся я.

Лицо. Вязать? Гавриленко, пошолъ вонъ! И разъ почтенное лицо на площади, то можешь поделикатнѣе! Шапка ихняя гдѣ?

Гавриленко. Тамъ и осталась, публика ногами затоптамши. Да они, ваше благородіе, голосомъ орамши . . .

Лицо. Пошолъ вонъ! Вотъ народъ, извольте, попробуйте съ нимъ провести начала такъ сказать законности-съ. Надоѣли какъ горькая рѣдька! Знакомые и то говорятъ: и что это такое, Павелъ Петровичъ, слова отъ васъ толкомъ не услышишь, а какой тутъ можетъ быть толкъ! Развѣ я бы не радъ, только о томъ и мечтаю, чтобы свѣтскій разговоръ . . . мало ли чего на свѣтѣ! Война, крестъ на св. Софіи и вообще . . . дипломатія!

Купецъ. Ужъ вязали бы поскорѣй. Не мучали бы.

Лицо. Вязать? Чистѣйшее недоразумѣніе, Прокофій Карпычъ, чистѣйшее недоразумѣніе. Но отчего жъ вы чайку? Ваше благородное волненіе дѣлаетъ вамъ честь и вообще пріятно привѣтствовать, но — давность! Изволили забыть: давность. Надѣюсь не родителей изволили зарѣзать?

Купецъ. Ну, ну, родителей. Дѣвицу одну, въ лѣсочку, да тамъ же и закопалъ.

Лицо. Ну вотъ видите: я и сразу понялъ, что не

родителей, сразу виденъ человѣкъ! Вотъ если бы родителей изволили, ну тамъ отца или мать, тогда дѣйствительно: на родителей давности нѣтъ. А за дѣвицу и вообще всякія уголовныя преступленія, убійства тамъ и вообще, покрываются десятилѣтней давностью. Какъ же-съ, какъ же-съ, изволили не знать? Конечно, нужно будетъ тамъ кое какое разслѣдованіе, подтвержденіе, но это пустяки, не стоитъ и волноваться. Торгуйте себѣ овощью, а мы ваши покупатели . . . ну что же чайку?

Купецъ. Какой ужъ тутъ чай. Тутъ уголья подъ ногами, а не чай!

Лицо. Напрасно мучились! напрасно мучились! Но конечно, незнаніе Законовъ. Вотъ вамъ бы вмѣсто жены да къ адвокату и пойти, адвокатъ бы . . .

Купецъ падаетъ на колѣни. Вяжите, не мучайте.

Лицо. Ну, ну, встаньте же наконецъ! Нельзя же наконецъ вязать, чуддакъ! Если всѣхъ такихъ вязать, такъ и веревокъ не хватитъ! Ступайте себѣ и . . . адресъ вашъ мы знаемъ . . .

Купецъ. Да куда жъ я пойду? Я пришолъ. Вязали бы ужъ, ей Богу, ну зачѣмъ эти слова? Веревокъ, говорите, нѣту, ну и зачѣмъ такая насмѣшка. Я по чистой моей совѣсти, а вы издѣваетесь . . . Вздохнувъ. Но, конечно, заслужилъ я. Смиряюсь! Вяжи! Бей! Издѣвайся надо мной, народъ православный! Тычь пальцемъ въ старую харю, не жалѣй бороды моей холеной: извергъ я! Снова валится на колѣни.

Лицо съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Но позвольте, это уже слишкомъ. Встать! Вамъ говорятъ, чтобъ вы домой шли, некогда мнѣ съ вами, домой!

Купецъ не вставая. Нѣту у меня дома, православные, нѣту у меня пристанища окромя каторги! Вяжи меня. Оретъ. Брей!!

Лицо также оретъ. Да что я тебѣ, парикмахеръ? Встать!

Купецъ. Не встану! Каюсь я, и долженъ ты меня уважить: совѣсть меня замучила! Не хочу я твоего чаю: вяжи меня, на̀ руки, крути лопатки. Брей!

Лицо. Гавриленко! Скажи, какъ разорался тутъ, а? Съ совѣстью своей, а? Есть мнѣ съ тобой время . . . Гавриленко, поднять!

Гавриленко старается поднять купца, тотъ сопротивляется.

Гавриленко бормочетъ. Вотъ такъ то они и орамши . . . Его не подымешь, ваше благородіе, упирается.

Лицо. А, упирается? Петрученко! Сидоренко! Ющенко — поднять!

Означенные поднимаютъ упирающагося купца, пока лицо продолжаетъ гнѣваться.

Лицо. Нѣтъ, скажите: прямо на площадь претъ, движеніе экипажей задерживаетъ, я тебѣ задержу! Я тебѣ покажу, я тебѣ поору въ присутственномъ мѣстѣ!

Купецъ. Не смѣешь такъ. Вяжи, а то жаловаться буду! Ни на кого не посмотрю! До самого министра дойду! Поиздѣвался и буде! Православные, братцы, человѣчка я зарѣзалъ! Совѣсть замучила! Каюсь!

Лицо. Совѣсть? — скажите, обрадовался! А гдѣ жъ ты раньше былъ, ты чего раньше не приходилъ съ твоей совѣстью? А теперь прямо на площадь прешь, безпорядокъ дѣлаешь, — ты чего раньше не шолъ?

Купецъ. Оттого и не шолъ, что не домучился еще! Вотъ домучился, оттого и пришолъ! Не смѣешь ты мнѣ отказывать!

Лицо. Не домучился! Нѣтъ, скажите, какое издѣвательство. Тутъ ихъ ищутъ, тутъ ихъ разыскиваютъ, однѣхъ корзинъ пять штукъ, собакъ для нихъ завели — такъ вотъ нѣтъ: спрячется, подлецъ, и сидитъ, и ни гу-гу, и какъ будто его нѣтъ! А теперь прямо на площадь: совѣсть, вяжите меня, какая цаца! Тутъ съ очередными голову потеряешь, вздохнуть некогда, а онъ еще съ своей дѣвицей . . . Вонъ! Уходи!

Купецъ. Не пойду. Не смѣешь выгонять! Я ужъ съ женой попрощался, не пойду.

Лицо. Ну и поздороваешься: скажите пожалуйста, съ женой попрощался, чай съ медомъ пилъ, рубашку чистую надѣлъ, цаца какая! Небойсь, стакановъ двадцать выдулъ, пока пузо налилъ, а теперь извольте! . . Вонъ!

Краснобрюховъ. А ты видалъ какъ я его пилъ? Можетъ тамъ чаю то всего на половину, а на половину то слезы моей горькой! Не пойду вонъ! Каторгу мнѣ давай, кандалы желаю, брей!

Лицо. Нѣтъ тебѣ каторги. Скажите пожалуйста, каторги захотѣлъ! Ну и нанимай себѣ комнату на каторгѣ, квартиру съ мебелью, а у насъ для тебя нѣтъ каторги!

Купецъ. Нѣтъ, ты мнѣ дашь! Не уйду безъ каторги — послѣдній мой сказъ. Православные, мученія я хочу, каторгу мнѣ на двадцать лѣтъ за злодѣйство мое. Къ злодѣямъ сопричислился, человѣчка я убилъ.

Лицо. Нѣту тебѣ каторги, слыхалъ? Раньше бы приходилъ, а теперь нѣту тебѣ каторги! Скажите пожалуйста, тутъ для настоящихъ каторги не хватаетъ, а онъ еще съ своей совѣстью: замучился, подлецъ. Ну и мучайся, нѣтъ тебѣ каторги.

Купецъ. Не дашь?

Лицо. Не дамъ.

Купецъ. Нѣтъ, ты меня обреешь!

Лицо. Самъ брейся!

Купецъ. Нѣтъ, ты меня обреешь. Старается стать на колѣни, поджимаетъ подъ себя ноги, но вышеозначенные держатъ его на вѣсу. Православные, смилуйтесь, вяжите меня, да неужто жъ обрывочка не найдется, хоть мочалкой вяжи, я не развяжусь, православные! Совѣсть меня замучила. Хоть обрывочкомъ, хоть мочалочкой! Эхъ, каторга матушка, да неужто-жъ мѣстечка не найдется, ваше благородіе? Много ли мнѣ надо, ваше благородіе,

православные? Окажите милость божескую, да скрутите жъ вы меня, голову мою сѣдую обрейте! Эхъ, Владимирка, дорожка, мать ты моя родная, дай хоть по краюшку пройти, пылью твоею опылиться, въ слезѣ твоей вѣковѣчной душу нечистую омыть. Эхъ, тузикъ бубновый каторжный, палачушко братушко, клещи огневые родненькіе, клеймо каиново ужасное!

Лицо. Гавриленко! Вывести его! Сидоренко, помоги!

Краснобрюховъ упираясь. Не пойду! Волокомъ волоки, такъ не пойду! Ты меня обреешь!

Лицо. Ющенко, поддержи! Ты у меня пойдешь!

Краснобрюховъ барахтаясь. Ты меня обреешь! Жаловаться буду! Не смѣешь!

Лицо. Гавриленко, выноси!

Гавриленко. За ногу, да за ногу! Хватай подъ мышки!

Краснобрюховъ барахтаясь. Не вынесешь!

Лицо. Выноси!

Купца почтительно выносятъ. Лицо оправляетъ усы и беретъ стаканъ чаю, но онъ оказывается холоднымъ.

Лицо. Василенко! Чаю горячаго! Чортъ знаетъ что . . . Чаю горячаго! Да . . . Раненаго привезли?

Василенко. Они уже вмерли, ваше благородіе, такъ что охлодамши.

Лицо. Пошолъ вонъ!

Занавѣсъ.

Попугай

Символическое представленіе въ одномъ дѣйствіи

«Воронъ каркнулъ: никогда.»

Эдгаръ Поэ.

Дѣйствующія лица:

Нѣкто, лицо довольно значительное.
Тимофѣевъ, Гавриловъ } лица, менѣе значительныя.
Мендель, лицо незначительное.
Попугай, который говоритъ только одно слово: «дуракъ».

Для представленія сцена раздѣляется на три части; и по мѣрѣ движенія дѣйствія свѣтъ гаснетъ въ одномъ отдѣленіи и переходитъ въ слѣдующее.

I.

На сценѣ Нѣкто, Тимофѣевъ и попугай.

Нѣкто. Посюшьте . . . я, ей-Богу, очень радъ, что вы пришли. Нѣтъ, честное слово, я очень радъ, посюшьте?

Тимофѣевъ. Весьма счастливъ привѣтствовать ваше превосходительство.

Нѣкто удивленно. Нѣтъ, посюшьте, я дѣйствительно очень радъ. Но почему вы зовете меня: ваше превосходительство.

Тимофѣевъ. Для удобства произношенія, ваше превосходительство.

Нѣкто. Какъ странно: для удобства! Но можетъ быть я дѣйствительно . . . Посюшьте, но о чемъ я говорю?

Тимофѣевъ. Не уяснилъ, ваше превосходительство. Изволили приказать явиться?

Нѣкто. Ахъ, да. Но я же самъ знаю! Тимофѣевъ, дорогой мой, вы еще не видали моего попугая? Очаровательная штучка! Попка, покажись!

Тимофѣевъ. Еще не имѣлъ чести . . . Но какая великолѣпная птица! Орелъ!

Нѣкто. Не правда ли? Очаровательная штучка! Посюшьте, а окраска? Нѣтъ, честное слово, какіе богатые тона и этакая . . . этакое . . .

Тимофѣевъ. Совершенно справедливо, ваше превосходительство! Этакое . . .

Нѣкто. Ударяетъ въ другіе тона и снова этакое . . . даже обратно! Я бы сказалъ, Тимофѣевъ, что это импрессіонизмъ, не правда ли?

Тимофѣевъ. Очень возможно, ваше превосходительство! Очень даже возможно. Изумительная птица, истинный обманъ глазъ! Дорого изволили дать?

Нѣкто. Нѣтъ, правда? Не особенно . . . я хочу ее продать, Тимофѣевъ. Нѣтъ, посюшьте, но я очень радъ, что вы пришли! Мнѣ кажется, что при вашихъ знакомствахъ, наконецъ ваше вліяніе на умы . . . посюшьте, честное слово, помогите мнѣ!

Тимофѣевъ. Помилуйте! Каждый за честь и удовольствіе почтетъ. Такая птица . . . на зависть всему городу! Одинъ колеръ убьетъ.

Нѣкто. Вы думаете?

Тимофѣевъ. Божусь! У меня весь районъ, можно сказать, только и мечтаетъ, что о такой птицѣ.

Нѣкто. Но это мнѣ кажетея уже слишкомъ, хотя однако . . . Посюшьте, это не мало: сто рублей?

Тимофѣевъ. Сто? Полтораста, ваше превосходительство, и ни копѣйки меньше! За такого то орла?

Нѣкто. Нѣтъ, честное слово, я очень радъ! Вотъ видишь, попка, какъ тебя цѣнятъ! Но мнѣ жаль, я огорченъ . . . Попка, ты не будешь скучать обо мнѣ?

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто. Но, но!

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто огорченно. Опять? Нѣтъ, вы слышите . . . ей Богу, это наконецъ грустно.

Тимофѣевъ. Ничего не слыхалъ, ваше превосходительство.

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто. Нѣтъ, вы слышите? Нѣтъ, это прямо ужасно, честное слово. Такая окраска, богатѣйшіе тона и вдругъ... Но развѣ мало другихъ словъ, посюшьте: есть же и другія слова?

Тимофѣевъ. А изволили учить?

Нѣкто. Не только я, но и жена . . . Наконецъ, не брать же мнѣ для нея репетитора: честное слово, это ужасно!

Тимофѣевъ. Надо на сахаръ, ваше превосходительство.

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто. Нѣтъ, вы слышите? Вы говорите сахаръ, Тимофѣевъ, но я пробовалъ на шоколадные конфекты: съѣстъ фунтъ и вмѣсто естественной благодарности опять... это слово. Это уже какой то пессимизмъ, честное слово! Не понимаю. У меня въ домѣ жена, дѣти, бываютъ весьма почтенные лица, наконецъ гувернантка, англійская подданная . . . тутъ уже знаете!

Тимофѣевъ. Могутъ быть осложненія. Но ежели мѣры строгости?

Нѣкто. Сажалъ. Ну и ничего: только высунетъ голову сейчасъ же опять . . . это слово. Ужасный пессимистъ!

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто въ отчаяніи. Нѣтъ, вы слышите? Вотъ такъ цѣлый день, хочется наконецъ поговорить: посюшьте, это ужасно! На дняхъ у меня былъ его превосходительство, вы знаете нашего генерала, почтенный старикъ, мудрыя морщины и во взорѣ этакое . . .

Тимофѣевъ. Во истину ангелъ доброты и невинности! Но неужели птица осмѣлилась? . .

Нѣкто. Ну да. Съ величайшей снисходительностью генералъ протянулъ руку, чтобы этакъ погладить и вообще выразить и . . . Нѣтъ, представьте мой ужасъ! Чудная окраска, богатѣйшіе тона, и вдругъ такая грубость . . .

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто. Невѣжа!

Попугай. Дурракъ!

Нѣкто. Хулиганство! Я говорю: хулиганство — что?

Попугай. Дурракъ.

Нѣкто истерически. Нѣтъ, нѣтъ, берите его. Уносите. Я не могу. Деньги потомъ принесете . . . посюшьте, это ужасно!

Занавѣсъ.

II.

На сценѣ Тимофѣевъ, Гавриловъ и попугай.

Тимофѣевъ. Просто, братъ, ума не приложу, что съ ней дѣлать! Вотъ ужъ какъ захочетъ наказать Господь, такъ ужъ накажетъ — правду говорятъ старые люди. Посовѣтуй, Гавриловъ, будь товарищемъ — протри бѣльма, посовѣтуй!

Гавриловъ. Очень просто: сверни ей голову, да и въ щи. Очень просто: не можетъ же быть такого, чтобы она была даже не съѣдобная!

Тимофѣевъ. Съ такимъ то колеромъ? Тоже хорошъ: какъ ужъ скажетъ! . . Колеръ то ты видалъ?

Гавриловъ. Но что же такое колеръ? Позови маляра, онъ тебя за полтинникъ самаго еще не такъ раскраситъ.

Тимофѣевъ. Меня красить нечего, братъ, я и такъ хорошъ, братъ, а вотъ тебѣ рябую твою морду прошпаклевать не дурно бы. И чего гордишься: въ щи! Я ее въ щи, а деньги, полтораста рублей, кто отдастъ? Ты отдашь?

Гавриловъ. Нѣтъ, зачѣмъ же я? Это тебя Господь наказалъ, а не меня!

Тимофѣевъ. Вотъ погоди: и тебя, братъ, накажетъ! Такъ накажетъ за безчувствіе твое! Тогда почешешься! Нѣтъ, что же я съ ней, діаволомъ, дѣлать буду? Я къ ней и съ того боку, я и съ этого, со всей лаской, печенки ей, діаволу зеленому, давалъ — нѣтъ вѣдь: такъ и лупитъ, такъ и жаритъ!

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Слыхалъ?

Гавриловъ. Слыхалъ. Это она про кого же?

Тимофѣевъ. Пошолъ ты къ чорту. Про кого! На извозчикѣ ее домой везъ, такъ отъ одного сраму глазъ поднять не смѣлъ, а извозчикъ, подлецъ, еще спрашиваетъ: съ кѣмъ это вы, ваше благородіе, разговариваете? Я, конечно, ему внушилъ, но вѣдь по спинѣ я вижу, о чемъ онъ думаетъ!

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Слыхалъ?

Гавриловъ. Слыхалъ. Голосъ очень даже внятный, и съ этакимъ даже выраженіемъ . . .

Тимофѣевъ. Пошолъ ты къ чорту! Я тебя, какъ товарища спрашиваю, а ты ломаешься. Если ты за бильліардъ сердитъ, такъ это, братъ, глупо и неблагородно, надо другъ дружкѣ помогать, а не интриги! Совѣстно, Гавриловъ, Богъ тебѣ судья!

Гавриловъ. Ну, ну — подумаемъ. Продай ка ее кущу Абдулову.

Тимофѣевъ. Про Абдулова то я ужъ самъ думалъ . . . конечно, при такомъ колерѣ поставить на прилавокъ, такъ вѣдь это же красота! Обманъ глазъ! Такое, этакое — даже въ глазахъ рябитъ. Это что ужъ и говорить! Наконецъ, въ цѣляхъ, такъ сказать, просвѣщенной рекламы, принимая во вниманіе . . .

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Нѣтъ, ты слыхалъ? Ну и что за подлая птица! Вотъ такъ попробуй, поставь ее на прилавокъ — всѣхъ покупателей разгонитъ, самъ сбѣжишь.

Гавриловъ. Кому же охота слушать! — это вѣрно. Мало ее били, Тимофѣевъ.

Тимофѣевъ. Какъ тебѣ сказать? Нынче, съ извозчика пріѣхавши, попробовалъ я ее прутикомъ, да что! Я ее разъ — а она это слово. Я ее два — а она это слово! Я ее десять — а она двадцать, такъ и бросилъ, братъ. Ну и что за подлая птица — не понимаю, честное слово, не понимаю. Истинно загадка судьбы, не иначе. Почему «дуракъ»?

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Слыхалъ? Нѣтъ, объясни ты мнѣ, Гавриловъ, ты у насъ человѣкъ умный: почему она не говоритъ другихъ словъ?

Гавриловъ. Не можетъ. Горло у нея такъ устроено, понимаешь? Вотъ у тебя, Тимофѣевъ, горло — понимаешь? — круглое и этакое прямое, вродѣ самоварной трубы — понимаешь? — и на кончикѣ заворотъ, почему ты и можешь такъ и этакъ, такъ и этакъ. Понимаешь? А у нея — понимаешь? — горло этакимъ трехъугольникомъ . . .

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Слыхалъ? Это она ужъ про тебя, братъ. Умный діаволъ!

Гавриловъ. Но почему же умный? Она и про тебя тоже говоритъ.

Тимофѣевъ. Я жъ и спрашиваю: почему? Вѣдь есть же на свѣтѣ другія благородныя, просто пріятныя слова, мало ли ихъ! Я не получилъ высшаго образованія и вообще не силенъ въ краснорѣчіи, куда ужъ, но и я знаю многія . . . душечка, напримѣръ! Ну если это нехорошо, то скажи: умница — ну благородный ты человѣкъ . . .

Гавриловъ. Герой, напримѣръ.

Тимофѣевъ. Ну и герой, это тоже хорошо. Надо же и заслуги отмѣчать, вообще, какъ это говорится: свѣтлыя явленія жизни, вообще этакое . . . понимаешь? Герой — это очень хорошо. Или напримѣръ: красавецъ! — всякій чиновникъ купитъ. Да что чиновникъ: и всякому лестно, отъ людей то когда еще услышишь, а тутъ сѣлъ въ кресло, кури себѣ сигаретку, да и слушай. И любить тебя, діавола, будутъ! Да какъ еще полюбятъ то! На грудяхъ своихъ тебя взлелѣютъ! Перушку упасть не дадутъ!

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Молчи, діаволъ.

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. У, да и подлая же птица! Будь бы не колеръ твой, я бъ тебя прописалъ дурака, я бъ тебя такую кузькину мать показалъ!

Попугай. Дурракъ!

Тимофѣевъ. Молчать!

Гавриловъ внезапно выходитъ изъ себя. Молчать!

Попугай. Дурракъ! Дурракъ!

Гавриловъ оретъ. Молчать!!

Тимофѣевъ. Постой, Гавриловъ, да не ори: хуже какъ народъ сбѣжится! Постой, гдѣ тутъ платокъ . . . фу ты, чортъ! Да гдѣ платокъ?

Попугай. Дурракъ!

Гавриловъ оретъ. Молчать!!!

Тимофѣевъ. Тише! Вотъ онъ, вотъ и посиди, вотъ и посиди въ темнотѣ то — у, діаволъ! Съ того боку подоткни — такъ. Избави Богъ щелочку — такъ, такъ! Фухъ! Ну и подлая же птица.

Гавриловъ. Я бы ее! . .

Тимофѣевъ. Да не ори. Не можешь шопотомъ, разорался! Шепчетъ. Ну?

Занавѣсъ.

III.

На сценѣ Тимофѣевъ, Мендель и попугай; потомъ жена Менделя.

Тимофѣевъ. Здравствуй, Мендель. Ну, какъ дѣлишки — вертишься? Вытираетъ потъ. И квартирка у тебя — все какъ слѣдуетъ.

Мендель. Здравствуйте, господинъ Тимофѣевъ, какая честь. Покорнѣйше прошу садиться: ну и что же будемъ кушать? Или чего нибудь выпьемъ: ой, что то горло у меня пересохло!

Тимофѣевъ. Не хочется что то. Ну, какъ дѣлишки? Живешь?

Мендель. Но развѣ это жизнь? Но избави Богъ, чтобы я жаловался — это я просто такъ говорю. Вы говорите и я говорю, вотъ уже и разговоръ.

Тимофѣевъ. Видалъ?

Мендель. Ай, какая птица! Это даже и не птица, скажу вамъ, а вылитый орелъ!

Тимофѣевъ любуясь. Орелъ! Колеръ то видишь? — и туда отливаетъ и сюда отливаетъ, такое, братъ, что истинная красота! Обманъ глазъ!

Мендель. Даже кричать хочется, такая красота! Почемъ покупали?

Тимофѣевъ. Куши.

Мендель. Такая остроумная шутка, что даже кричать хочется! Зачѣмъ мнѣ попугай? У меня своихъ попугаевъ восемь штукъ, да еще жена, и всѣхъ кормить надо — такъ я же и кормлю!

Тимофѣевъ. А колеръ? Ты на колеръ то посмотри, руками то потомъ махать будешь. Гдѣ ты такой колеръ видалъ? — и въ вѣкъ не увидишь. Вотъ я ее тутъ на око-

шечкѣ поставлю, красота! Прохожіе то удивляются: и откуда, говорятъ, у Менделя такая удивительная птица.

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Ой! А это кто же говоритъ: она?

Тимофѣевъ. Она. И еще съ разговоромъ! Это она прохожему говоритъ — засмотрѣлся.

Мендель. Она будетъ говорить, а мнѣ стекла побьютъ? — Позвольте, я ее на столъ. Такихъ умныхъ птицъ на окно нельзя, господинъ Тимофѣевъ, вы сами это знаете. Ну и что же будемъ кушать?

Тимофѣевъ. Куши, Мендель. Даромъ отдаю, дурень! Я бы ее за тысячу не отдалъ, да человѣкъ я занятой, и дома то не бываю, а тутъ дѣти, кошки . . . Куши.

Мендель. Ахъ, какъ не нравятся мнѣ такія шутки! Ахъ и до чего же я не люблю такія шутки!

Тимофѣевъ. Да ты не бѣгай. Постой. Даромъ отдаю: сто двадцать.

Мендель. Сто двадцать слышу, а чего не слышу! Можетъ быть рублей, а можетъ сто двадцать аршинъ моихъ кишекъ. Что — почему не кишекъ? Почему не саженей? Почему . . .

Тимофѣевъ. Да постой — вотъ забѣгалъ! Куши, потомъ самъ благодарить будешь. Колеръ то видалъ?

Мендель. Копѣйки не дамъ! Она себѣ колеръ, а я себѣ Мендель. Гроша не дамъ, хоть вы меня лошадьми разорвите.

Тимофѣевъ. Мендель!

Мендель. Что?

Тимофѣевъ. Мендель!!

Мендель. Ну и что Мендель? Зачѣмъ повторять: Мендель, Мендель. Вотъ Мендель уже и готовъ на двадцать пять.

Тимофѣевъ. Мендель!

Мендель. Ну вотъ уже Мендель и на шестьдесятъ готовъ. Но вы сейчасъ опять скажете?

Тимофѣевъ. Мендель!

Мендель. Ну такъ скоро Мендель и на сто двадцать будетъ готовъ, и на сто пятьдесятъ . . .

Тимофѣевъ. Больше не надо. Мендель!!!

Мендель. Готовъ на сто двадцать. Купилъ. Ну кому же неизвѣстно, что Мендель давно хотѣлъ имѣть попугая? Ну кто же не знаетъ, что Мендель жить не можетъ безъ попугая, — что Мендель готовъ всѣ кишки развѣшать на заборѣ, только бы имѣть попугая! Вотъ Мендель и купилъ попугая, — что?

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Но это же умная птица! Это она говоритъ: Мендель дуракъ?

Тимофѣевъ. У, дiаволъ — слышать ее не могу! Ну, прощай, Мендель, не сердись. Завтра за деньгами зайду. Прощай.

Мендель. Почему не сегодня? А почему не вчера? Мендель давно уже родился, и попугай давно уже родился, и деньги давно уже родились. Почему не вчера?

Тимофѣевъ. А ты не скули, можетъ кому еще продашь. Колеръ то видалъ? Я и самъ, братъ, убытокъ потерпѣлъ, эхъ! Прощай.

Мендель. До свиданiя, господинъ Тимофѣевъ. — Уже ушолъ? Ну такъ чтобъ ты сдохъ! Онъ ушолъ, а попугай остался: и это называется: Мендель купилъ попугая! Если бы я сто лѣтъ думалъ, я бы такого не придумалъ: я же его и во снѣ не видалъ!

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Ну уже слыхалъ, уже довольно.

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Я тебѣ говорю, что уже довольно. Идiотъ зеленый! Мнѣ уже въ ушахъ это стоитъ, а еще ты мнѣ будешь говорить, тогда что отъ меня останется? Очень ты мнѣ нуженъ, идiотъ зеленый — но если онъ говоритъ Мендель! Тогда что? Тогда я слона могу купить!

Тогда я тигра могу купить, и пусть онъ меня слопаетъ. Что?

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Но ты и самъ умный. Что же мнѣ: по улицѣ бѣжать и караулъ кричать? Идіотъ зеленый! Или взять вотъ это стуло и въ господина Тимофѣева стрѣлять: пифъ! пафъ!

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Но уже довольно, я говорю. Я не посмотрю, что вы птица, я вамъ такое скажу . . .

Жена входя. Ты что такой веселый, Мендель? Ты такъ кричишь, что стаканы лопаются . . . Но какая хорошенькая птичка! Дѣти, идите смотрѣть, какая хорошенькая птичка!

Попугай. Дурракъ!

Жена. Но это же чудеса! Она говоритъ: дуракъ — Мендель, ты слыхалъ? Дѣти, дѣти! . .

Мендель. Да не надо же дѣтей! Гони ихъ въ шею! Или ты такая уже глупая, что не видишь: Мендель купилъ попугая за сто двадцать!

Жена. Дѣти, назадъ! Кшшш! Чего, Мендель: ну убивай же сразу.

Мендель. Рублей — ну и что ты такъ лупишься на меня!

Жена. Дуракъ.

Попугай. Дурракъ!

Мендель. Уже довольно! Уже слыхалъ. Но это же не птица, а чортъ!

Попугай. Дурракъ!

Жена плачетъ. Дуракъ.

Занавѣсъ.

	м. пф.
Максимъ Горькій, Записки проходящаго. Часть I	2 —
Часть II	1 50
——Интервью. Одинъ изъ королей республики . . .	— 50
—— „ Жрецъ морали	— 50
—— „ Хозяева жизни	— 50
——Лѣто. Повѣсть	3 —
——Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть	2 50
——Мать. Повѣсть изъ жизни рабочихъ. (Въ Россіи конфисковано)	4 —
——Мордовка. Разсказъ	— 60
——Разсказъ Филиппа Васильевича	— 90
——Романтикъ. Разсказъ	— 60
——Русскія сказки	1 —
——Сказки	2 —
——Случай изъ жизни Макара. Рожденіе человѣка. Два разсказа	1 —
——Солдаты. Очерки. Содержаніе: Патруль. — Изъ повѣсти. (Въ Россіи конфисковано)	1 —
——Товарищъ! Сказка	— 50
——Три дня. Разсказъ	1 50
——Хозяинъ. Повѣсть	2 —
——Человѣкъ. Поэма	— 60
——А. П. Чеховъ. Отрывки изъ воспоминаній . . .	— 90
——Чудаки. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
Н. Н. Гусевъ, Левъ Толстой противъ государства и церкви. Не напечатанныя въ Россіи мѣста изъ записокъ бывшаго секретаря Л. Н. Толстого «Два года съ Л. Н. Толстымъ»	2 —
Зл. Дебогорій-Мокріевичъ, Воспоминанія. (Въ Россіи конфисковано)	6 50
Іевъ Дейчъ, Четыре побѣга. Воспоминанія	2 50
). Д. Дурново, Такъ говорилъ Христосъ	4 —
)синъ Дымовъ, Бѣгущіе креста. Романъ	4 —
——Каждый день. Трагедія въ 4-хъ частяхъ . . .	1 —
Арвидъ Ернефельтъ, Титъ, Разрушитель Іерусалима. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	1 50
І. Золотаревъ, Во едину отъ Субботъ. Романъ . .	4 —
Владимиръ Короленко, Бытовое явленіе. Замѣтки публициста о смертной казни	1 50
І. А. Крашенинниковъ, Барышни. Романъ	3 —
——Дѣвственность. Романъ въ 3-хъ частяхъ . . .	5 —
——Плачъ Рахили. Тысячелѣтняя сказка въ 3-хъ картинахъ	2 —
Ген-ад. А. Н. Куропаткинъ, Записки о русско-японской войнѣ. (Въ Россіи конфисковано)	8 —
О. Лавриновичъ, Кто устроилъ погромы въ Россіи? (Въ Россіи конфисковано)	4 —

А. Б. Левинъ, Путеводители: I. Висбаденъ . . . . .
II. Гомбургъ . . . . .
III. Южный Тироль . . .
Д. С. Мережковскій, Смерть Павла I. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
В. С. Морозовъ, За одно слово. Разсказъ, съ предисл. Л. Н. Толстого. (Въ Россіи конфисковано) . . . .
Г. Панюринъ, Императоръ Николай I. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано) . . . . .
Г. Петровъ, Письмо Митрополиту Антонію. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
Погромы въ Россіи. По оффиціальнымъ документамъ. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
С. Рафаловичъ, Speculum animae . . . . . .
Л. Н. Толстой, Воскресеніе. Полное исправленное изданіе, по оставленной авторомъ новой редакціи. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
——Живой трупъ. Драма . . . . . .
——И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Драма. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
——Мелкіе разсказы. (Въ Россіи конфисковано) . .
——Не могу молчать. О смертныхъ казняхъ въ Россіи. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
——Посмертныя художественныя произведенія. Въ трехъ томахъ. Каждый томъ . . . . . .
——Смертная казнь и Христіанство. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
——Хаджи Муратъ. Романъ . . . . . .
Кн. С. Д. Урусовъ, Записки губернатора. Кишиневъ 1903/4 г. Изд. 2-е дополненное. (Въ Россіи конфиск.)
Евгеній Чириковъ, Красные огни. Драматич. фантазія
——Легенда стараго замка. Драматическая фантазія
——Мужики. Сцены изъ крестьянской жизни . . . .
——Мятежники. Повѣсть изъ крестьянскаго движенія
——На порогѣ жизни. Разсказъ . . . . . .
——На порукахъ. Повѣсть . . . . . .
——„Товарищъ". Разсказъ изъ тюремной жизни. (Въ Россіи конфисковано) . . . . . .
Шаломъ Алейхемъ, Избранные разсказы . . . . .
Семенъ Юшкевичъ, Голодъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ
——Дина Гланкъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . .
——Евреи. Повѣсть . . . . . .
——Прологъ. Романъ . . . . . .
——Семья. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . . . . .
——Чужая. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ . . . . . .

Подробные каталоги высылаются по желанію.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3452
P8
1913

Andreev, Leonid Nikolaevich
Proischestvie